

вышеніи, темной глыбой, глядитъ въ море королевская вила, темно-сѣрая, тяжелая, лишенная стройности и величія.

Внизу, на пескѣ, длинные ряды полосатыхъ будокъ выстроились тѣсно, одна къ другой, — близко къ баракамъ, гдѣ продають билеты и хранять костюмы, дожидаясь скорого отлива. Въ полутемнотѣ, въ пескѣ, дѣти еще мастерили крѣпости, проводили канавки, таскали песокъ въ раскрашенныхъ ведеркахъ; дѣвочки-подростки играли вмѣстѣ съ малолѣтками. Почти всѣ были босикомъ...

Вѣтеръ, не унимавшійся и къ часу отлива, скоро загналъ гуляющихъ въ кургаузъ; тамъ уже начался концертъ. Главная зала, гдѣ помѣстится нѣсколько тысячъ человѣкъ, обдавала уже жаромъ газовыхъ люстръ и дыханія толпы, занявшей всѣ стулья и диваны, такъ что по двумъ проходамъ кругомъ едва можно было протискаться. Музыканты сидѣли на обширной эстрадѣ, подъ колпакомъ. Наверху, на галлерей, виднѣлось нѣсколько человѣкъ и дѣти играли съ одной стороны. Дѣтей, — особенно дѣвочекъ, — внизу были цѣлыя вереницы: разряженныхъ, съ распущенными волосами, въ перьяхъ, бантахъ, атласѣ, съ голыми икрами, даже при порядочномъ ростѣ.

Оркестръ игралъ увертюру. Ближе къ эстрадѣ, за столиками пили кофе; большія семейства, — изъ матерей и взрослыхъ дѣвицъ, — облѣпляли кругомъ столики, ничего себѣ не спрашивали, и такъ сидѣли до конца концерта, красныя, затынутыя, разодѣтыя и формально улыбающіяся. Два теченія публики было: и въ глубинѣ — позади оркестра, слѣва, изъ корридора — отъ задняго входа, изъ читальни и кафѣ, и направо изъ бильярдныхъ, гдѣ уже шла азартная партія.

Танцевальный залъ еще стоялъ темнымъ. Сотни дѣвицъ и дѣвочекъ ждали только минуты, когда растворять двери, чтобы устремиться туда и занять всѣ скамейки и стулья. На хоры танцевального зала уже забрались зрители.

Въ читальню, съ улицы, черезъ наружную галлерею, вошла Зинаида Мартыновна, одна, въ шляпѣ въ видѣ салатника, въ бѣломъ платѣ — стѣше и въ короткой шелковой кофточкѣ съ высокимъ воротникомъ, растегнутой по модѣ, съ плюшевымъ платкомъ на рукѣ. Она двигалась медленно, нѣхотя, глядѣла по бокамъ, похудѣла въ лицѣ, но съ болѣе сильнымъ блескомъ въ глазахъ; она даже немного гнулась, чего прежде у нея не было. На всѣхъ столахъ, въ первой комнатѣ, и у маленькихъ столиковъ, писали дамы.